

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК) «ФОРСАЙТ
«РОССИЯ»: НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.
ПЕРЕЗАГРУЗКА»
(27 МАРТА 2017 ГОДА)**

С. Д. Бодрунов¹

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ – ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЭЛБРЕЙТА:
ОТ НИО.2 К НООСФЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ²**

Сегодня, через 50 лет после выхода книги Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», многие высказанные им идеи находят свое подтверждение. *Индустрия возвращается, и вместе с ней возвращается Гэлбрейт*. Точнее, возвращается не индустрия, которая никуда не исчезала, – возвращается широкое понимание ее основополагающего значения для современной экономики.

А вот теории постиндустриального общества в целом не подтвердились. Разработчики постиндустриальных концепций отталкивались от результатов наблюдения за падением в современной экономике стоимостной доли материального производства (и его индустриального ядра) в валовом внутреннем продукте (ВВП). Но за внешней стороной они не увидели сохраняющуюся и даже возрастающую роль современных индустриальных технологий во всей системе общественного воспроизводства.

Истинными причинами снижения стоимостной доли индустриальных продуктов в ВВП развитых индустриальных стран являются:

- развитие индустриальных технологий, подразумевающих снижение доли материальной части в индустриальном продукте;
- удельное снижение энергоёмкости индустриального производства;

¹ *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

² По материалам доклада на III Санкт-Петербургском экономическом конгрессе «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка» (Санкт-Петербург, 27 марта 2017 г.).

- резкое снижение удельной себестоимости затрат на удовлетворение потребностей людей в рамках индустриального производства;
- физическое перемещение высокочрезвычайно затратных компонент индустриального сектора в страны с низкой стоимостью труда и ресурсов;
- «лукавство» традиционной статистики и учетной политики экономических ведомств, неадекватность архаичной концепции учета новым парадигмальным изменениям в мировом воспроизводственном процессе и т. д.

О драматическом снижении себестоимости индустриальной продукции в ВВП при наблюдении «синергии технологий» можно говорить, взглянув хотя бы на любой гаджет.

На руку «постиндустриальному тренду» (вводя исследователей в заблуждение) играет и учетная политика статистических ведомств, когда многие работы, связанные с индустриальным производством, относят к «услугам» без четкого выявления их сути.

Подчас географическое перемещение индустрии из развитых стран в новые индустриальные страны представляют как снижение ее роли в мировой экономике, хотя в реальности никакого падения индустриального производства не наблюдается (довольно странная слепота в эпоху глобализации...).

Правильно фиксируя возрастание значения знаний и информации в производстве, адепты теорий постиндустриального общества поддались иллюзии, что знания и информация могут заменить материальное производство, низведя его роль до ничтожного значения. В действительности, мир не переходит к постиндустриальному обществу (хотя зарождение некоторых «постиндустриальных» тенденций отрицать нельзя). Напротив, сейчас формируется новое качество индустриального производства, открывается путь к новому индустриальному обществу второго поколения (НИО.2). Суть этих изменений – в обретении нового качества самим материальным производством, становящимся знаниеинтенсивным производством знаниеемких продуктов, в которых технологические знания получают превалирующее значение как с точки зрения обеспечения принципиально иного качества продукта, удовлетворяющего возрастающие потребности человека, так и с точки зрения доли затрат в производстве такого продукта.

При этом изменяются только параметры материального производства, которое по своей технологической основе остается индустриальным. Все передовые технологические уклады материального производства (пятый и шестой) базируются, в основном, на тех или иных разновидностях индустриальной, машинной техники. Меняется облик индустриальных технологий – они становятся по преимуществу не механическими, а базируются на контролируемых человеком физических, химических, биологических, информационных и когнитивных процессах, составляющих основу нового технологического уклада и обеспечивающих наступление 4-й индустриально-технологической революции. Например, если прежние, субтрактивные (вычитающие) технологии базировались на механических процессах резания, спиливания, стачивания и т. п., то современные, аддитивные (технологии послойного добавления материалов) основаны в значительной мере на иных физических процессах (наплавлении, спекании, напылении и т. п.) в сочетании с современными информационными технологиями (3D-принтирование).

Но главный качественный скачок заключается в другом, в том, что позволило вовлечь в индустриальное производство широчайшую гамму контролируемых и направляемых человеком природных процессов (лазеры, ядерная энергетика, химия тонких процессов). Это стало возможным благодаря тому, что современное индустриальное

производство базируется на масштабном и все *ускоряющемся* технологическом применении новых *знаний*. Как таковое оно ознаменуется (в наиболее передовых сферах – уже ознаменовалось) все большим снижением материальной составляющей продукта. Удельная материал-, капитал- и трудоемкость изготовления изделий неуклонно снижаются, а составляющая применяемого человеком знания интенсивно растет. Производство постепенно переходит в режим непрерывной технологической инновации, а сами инновации распространяются в пространстве нового поколения индустриального производства в режиме «ускорения ускорения».

Такая перспектива заставляет нас ставить острые и актуальные для мира и нашей страны вопросы, среди которых и вопрос о преодолении Россией наследия деиндустриализации.

Речь идет не о возврате к прежней структуре экономики, а о новой индустриализации, базирующейся на технологиях самого передового рубежа наших знаний. Решение этой задачи диктуется не только современными тенденциями эволюции материального производства, но и необходимостью обеспечить подлинную экономическую самостоятельность нашей страны, которая невозможна без наличия крепкого научно-технологического ядра, опирающегося на высокотехнологичное индустриальное производство.

В свою очередь, новая индустриализация невозможна без отказа от стереотипов экономической политики «рыночного фундаментализма», унаследованных от 1990-х гг., и неolibеральных идеологических штампов. Прорыв в новое индустриальное будущее второго поколения требует изменения установок, государственных решений в сфере экономики, госпрограмм, реорганизации соответствующих институтов и т. д.

Резюмируя, подчеркну: необходима активная промышленная политика, опирающаяся на использование широкого спектра методов государственного регулирования экономики, вплоть до стратегического планирования, а также развитие государственно-частного партнерства, одной из главных задач которого станет реинтеграция производства, науки и образования. Потребуется она и реального – на деле, а не на словах – перехода к социально ориентированной экономике, без чего невозможно эффективно использовать главный ресурс инновационного, знаниеинтенсивного производства – образованного, культурного, способного к творческой деятельности человека.

И хотя набор требуемых изменений в экономической политике хорошо известен, нам приходится их повторять, ибо то, что овладело умами ученых, еще не стало практикой, а, как хорошо известно, «идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами».

Не забывая о насущных задачах, мы должны помнить и о *стратегической перспективе*. Куда приведет нас поток индустриального производства новой генерации – производства, в котором главную роль будет играть технологическое освоение новых знаний? В свое время подобным вопросом задавался Дж. К. Гэлбрейт. Обязаны задуматься над этим и мы, принимая во внимание колоссальные изменения, которые произошли за полвека после выхода в свет его книги.

Вслед за новой индустриально-технологической революцией неизбежно последует изменение общественного устройства, всего облика общества. Это общество и технологии, на которые оно будет опираться, создадут несравнимо более высокие возможности для удовлетворения человеческих потребностей. Широкое распространение знаниеемкого материального производства, сопровождающееся прогрессирующим снижением

материальных издержек и взрывообразным ростом инноваций, вскоре сможет удовлетворить потребности людей в реально необходимых им материальных благах.

Более того, современные знаниеемкие продукты способны удовлетворять настолько широкий спектр запросов, что человеческие потребности подчас не успевают за открывающимися возможностями. Один современный смартфон может удовлетворять такие потребности, о которых 30 лет назад писали разве что фантасты. А кто из нас может с уверенностью сказать, что он использует технические возможности своего смартфона на все 100 %?

И еще один вопрос. Только ли блага – как возможность максимально простого удовлетворения возрастающих потребностей – несет нам такой путь развития? Иначе – какие вызовы мы можем видеть? И сможем ли мы достойно ответить на вызовы новой – *технотронной* – цивилизации? Будет ли это общество гуманизма и широчайшего распространения «знаниетворящей» человеческой деятельности, общество гармонии с природой и преодоления социальных конфликтов, где человек будет в основном осваивать новые знания? Или материальные ограничения будут играть не главную роль, поскольку вместе с доступностью удовлетворения жизненных потребностей утратит свое первенствующее значение и частное присвоение материальных благ? Или нас ждет нечто противоположное...?

Да, мы понимаем, что есть угроза иного пути. Об этом можно долго говорить. Но – не сейчас. Отмечу лишь, что перед человечеством стоит дилемма стратегического характера: или превращение человека в придаток технотронной системы, или – ноосферная цивилизация.

В развитых странах человек, замороженный почти безграничными возможностями наращивания уровня удовлетворения своих потребностей, поддается соблазну сверхпотребления. В менее развитых странах в силу прежнего хронического недопотребления у миллиардов людей возникает угроза использования новых технологических возможностей для безудержного увеличения производства материальных благ, выходящего за рациональные пределы.

Эти тенденции чреватые раздуванием нерациональных, фиктивных, симулятивных потребностей. В первом случае это будет погоня за престижным потреблением все более изощренных и технологически продвинутых симулякров благ; во втором – бездумный рост объема традиционных предметов потребления (в подражание более развитым странам) и включение в гонку за удовлетворением симулятивных потребностей.

В этом случае давление на ресурсы Земли будет возрастать, несмотря на возможности существенного снижения ресурсоемкости производства. Безудержное потребительство грозит поглотить любое количество природных ресурсов и завалить Землю отходами, а то и ввергнуть человечество в пучину конфликтов за материальные блага и скудеющие ресурсы для их производства...

Возможность избежать такого исхода заключена в самом процессе освоения человеком новых знаний. Отметим ложность широко распространенного мнения о том, что современное производство основано прежде всего на производстве новых знаний. Все ускоряющееся приращение знаний – это не есть их производство. *Знание существует объективно и в этом смысле оно существует абсолютно.* Никто не производит знания, происходит лишь открытие того, что существует: Он не создал закон Ома, он лишь открыл для людей существующую в природе связь. Наш труд по «добыванию» знаний – это не создание, не производство, не придумывание новых знаний, а осознание, открытие конкретных его частей, шаг за шагом, расширение пространства знаний,

доступного в каждый конкретный момент человеку и человечеству в целом. Человек открывает знания в предметном мире, «распредмечивая» его и добывая заложенное в нем знание.

В то же время человек – это единственное существо, способное преобразовать окружающий материальный мир в нематериальный мир знаний. Познавая мир, человек способен лишь приблизиться к заложенному в нем абсолютному, неисчерпаемому знанию. При этом человек познает себя как особую часть мира, *способную к самопознанию*; познает интересы окружающих людей, как и вещного мира, и те связи – общественные связи, которые их объединяют. В процессе обретения новых знаний человек устанавливает критерии общественного бытия и совершенствует их.

Но и на этом пути нас подстерегают ловушки: новые знания означают и новые потребности, как вполне рациональные, так и симулятивные, избыточные. То, что избыточно сегодня, становится рациональным завтра, и в этом смысле симулятивные потребности, как и обычные, стимулируют производство. Однако многие симулятивные блага являются не просто относительно избыточными – некоторые из них лишь создают иллюзию полезного эффекта (к примеру, немалая часть косметической или медийной продукции), а другие имеют вредные побочные эффекты. По мере увеличения потребностей растет и пространство симулятивных потребностей и ресурсов, необходимых для их удовлетворения. Как предотвратить разбухание мира симулятивов, не позволить ему поглотить ресурсы Земли и погубить бессмертную душу человека? Ответ на эти сложные вопросы в принципиальном плане – прост. Все возникающие проблемы человечество решало, используя знания, находя решения в пространстве знаний. Самопознание – часть такого пространства, дающее ключ к решению этой проблемы.

На основе самопознания, рационализации критериев оценки собственной жизни, формирующего осознанное самоограничение, можно поставить барьер на пути безудержной погони за симулятивным потреблением и выйти на путь ноовариантного развития нашей цивилизации, о котором более полувека назад писал великий российский ученый Владимир Иванович Вернадский. Важнейшую роль в этом движении будет играть феномен культуры. Культура – особый вид знания, реализованный в поведенческой парадигме его носителя; она возникла в историческом процессе в рамках осознания человеком себя как личности, развиваясь в процессе познания человеком себя, своих интересов, интересов других членов сообщества, общества в целом.

Углубленное самопознание ведет к развитию мира человеческой культуры, ибо лишь соединение в одном лице человека знающего и человека культурного открывает путь к подлинно человеческому отношению к своим потребностям, к другим людям и окружающему миру (в первую очередь – к природе). Принятие парадигмы разумного ограничения симулятивных потребностей – это та дорога, идя по которой, мы, люди, создающие новое качество материального производства и индустрии (сфер, где главную роль играет опредмеченное знание), реализуем и те императивы, импульс которым задал 50 лет назад великий ученый Джон Кеннет Гэлбрейт.